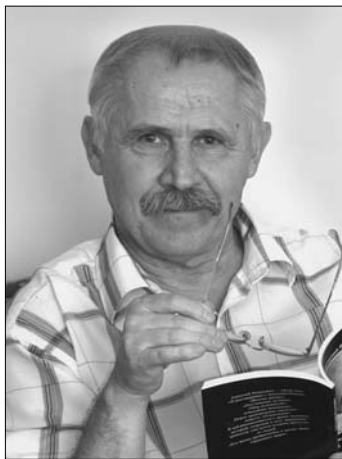

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ТРАГИКИ И КОМИКИ

РАССКАЗ

Кто среди театрального общества не знает повсеместно распространённой в театре болезни “кто кого съест”: или главный режиссёр — труппу, или труппа — главного режиссёра. Причём режиссёр, с точки зрения актёра, — всегда самоуверенный, чванливый и бездарный, а труппа, по мнению режиссёра, — непрофессиональная, проалкоголенная и продажная.

Не обошёл этот вирус и относительно молодой, недавно созданный театр крупного индустриального города Беларуси. Театр этот мало чем отличался от других театров, но всё же был известен тем, что тут (а не в каком-нибудь областном!) творил один из последних народных артистов Советского Союза, 73-летний украинец Иван Сильвестрович Грива.

Талантливый самородок за тридцать лет переиграл на сцене всё: от чегара до Ленина. Привезла его в город юная актриса, с которой он “прелюбодействовал”, как после похвалялся, на борту самолёта. Местные власти пестовали свою знаменитость, зрители любили, а жёны — не уживались. Любил Иван Сильвестрович покрасоваться в разных президиумах, на слётах пионеров, комсомольцев, пожарников, милиционеров, учителей. Обычно своим густым приятным баритоном читал он в оригинале какой-нибудь патристический стих. Голос его и правда зачаровывал. Какую бы ерунду он ни нёс, его всё равно все с умилением слушали. Особенно женщины. Удивля-

---

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссёров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живёт в Минске.

лись даже, откуда у этого худощавого, среднего роста, конопатого (а с возрастом рыжая копна волос на голове не поседела и не поредела) такой “обворожительный баритон”.

Сам же Иван Сильвестрович после таких сходов, митингов, банкетов говорил следующее:

“Или я старею, или народ мельчает. Поверите ли, за год у меня примерно сотня встреч разных. Сижу на сцене, всматриваюсь в зал и не нахожу приличной женщины, чтоб сотворить с ней прелюбодействие”. Под этим словом он обычно понимал и любовные романы, и лёгкий флирт, и отношения любовников. У самого Ивана Сильвестровича за его актёрскую карьеру было четыре официальных жены. Про неофициальных он говорил: “Давайте умолчим, дабы не разжигать зависть у молодёжи”. В самый разгар оптимистического возрождения капитализма и пессимистических похорон социализма Министерство культуры властной рукой, ещё по старинке, назначило в театр Гривы нового главного режиссёра — Марата Ворошилова, которого откопали где-то аж в Петропавловске-на-Камчатке.

Свои “местные корифеи” в закулисных интригах перессорились и проспали эту должность. Перво-наперво труппа предвзято посмотрела на жену главного — будущую “прима-балерину”, исполнительницу главных ролей — и ахнула...

— Не будут на неё ходить зрители, как ходят на Гриву. Не будут!

— Внешность для актёра ещё не всё, главное — талант, — пробовал кто-то взять под защиту пухленькую, небольшого росточка, с курносым носиком и маленькими глазками жену главного. — Главное же — талант!

— За таким бюстом я не вижу души. В наше время для героинь требуется сексуальность, рост, страсть, энергия. А этой только разве Пульхерию гоголевскую играть, — сделал вывод Грива. — Это первый шаг к смерти театра.

После первого же спектакля, который поставил новый главный по малоизвестной, но американской пьесе, — была тотальная мода на всё американское, — все согласились с пророчеством Ивана Сильвестровича: не тянет жена главного на героиню, и всё тут! Но голос протеста никто из труппы не подал. Каждый боялся попасть под сокращение штатов, держался за свой небольшой заработок — на хлеб, молоко, кильку, бутылку пива на неделю хватает, — и гори оно, искусство, синим огнём. А хочешь мяса, фруктов, вина, обновку какую — крутись; смельчаки некоторые гримировались и возили домашний товар на базары Могилёва и Гомеля. Только Грива, новый главный да его пухленькая жена, которая ещё больше раздобрела на белорусском сале, жили одним театром.

Иван Сильвестрович в обычной своей иронической манере в пух и прах разнёс постановку нового режиссёра и исполнительницу главной роли. Жена режиссёра всю ночь проплакала. Там, в Петропавловске-на-Камчатке, за эту же роль ей когда-то дали звание лауреата премии обкома комсомола.

Муж поклялся люто отомстить нахальному старцу. Хитрый и опытный матадор закулисных интриг решил на протяжении сезона заменить почти весь репертуар — те спектакли, в которых блистал Иван Сильвестрович, любимец города. Сам главный, одновременно репетируя две пьесы, позволил молодому артисту самостоятельно поставить спектакль для детей и пригласил на постановку ещё одного режиссёра из столицы. Экспериментатор и новатор Марат Ворошилов, который от волнения начинал заикаться, теперь носился по театру, как демон, и заикался постоянно.

Но и Грива, раскусивши подлость пришлого режиссёра, и не думал сдаваться. Последняя его прелюбодейка, с которой он вот уже пять лет не поддерживал связь, — костюмерша Ирина Анатольевна — вернулась к нему, чтобы поддержать морально и хлебно своего бывшего ухажёра и кумира: сердце у неё всё же было доброе. Приятные воспоминания, солидарность в борьбе с *культурой личности* нового режиссёра, предчувствие старости, которое подгачивало оптимизм, когда стали жить по отдельности, заново сблизили высокомерного народного артиста и хрупкую, ревнивую когда-то, заядлую курильщицу костюмершу.

— В районном музее, на стенде, посвящённом мне, попрошу оставить только твоё фото, Ирэн, — говорил невесёлым вечером своей компаньонке Иван Сильвестрович.

— А можно помириться с ним, Ваня, — предложила Ирина Анатольевна. — Он же глуповатый и слегка маньяк. В каждой пьесе заставляет актрису или голую задницу, или грудь выставлять всем напоказ. Говорит, мы отстаем от европейской цивилизации — без эротики никто даже не пойдёт на спектакль. Но, однако же, свою кикимору не оголяет.

— Подонок, — затынул Грива, — что он знает о возвышенном искусстве? Поколение калек, кого они воспитывают? Таких же дегенератов, как они сами. Шекспир в гробу перевернулся бы, если б узнал...

Тут костюмершу и осенило.

— Ваня, а подай заявку на “Короля Лира”! Ты же двадцать лет мечтаешь об этой роли. Он не посмеет отказать!

— Идея гениальная, но... скажи, где взять миллионы — это ж дорогая постановка, — оживился Грива.

— Пойдём на шинный завод. Мой брат там в отделе маркетинга, хорошо зарабатывает... Доллары даже имеет.

— Зачем же тогда Лира играть? Давай возьмем доллары и будем спокойно доживать, — как бы пошутил Иван Сильвестрович.

— Нет, ну, я серьёзно. Все поддержат. Мэр города. Это же будет сенсация!

— Силы уже не те. Я с этим подонком так нервничаю, что всё тело бьётся в конвульсиях. Моча, понимаешь, не выходит. Стою в туалете по полчаса.

— Театр для города — это, прежде всего, Грива. Ты перед историей не имеешь права распоряжаться так своим талантом — он принадлежит народу.

— Я пока не думал про свою лебединую песню.

— Не иди же на площадь — отгонять голубей от памятника вождя! Подавай заявку, — решительно настаивала Ирина Анатольевна, — не хватало ещё, чтобы эта толстозадая вертихвостка пожинала твои лавры! Для чего ты тогда самоотверженно служил сцене — чтобы с позором ее покинуть?

— Ладно. Не дави на психику. — Грива надел на голову свою ковбойскую шляпу с очень широкими полями. — Дуй, ветер, дуй! Завтра же директор подпишет приказ о репетициях Лира. Хватит прелюбодействовать, пора и о вечном подумать!

Счастливая Ирина Анатольевна, даже не обувши от волнения туфли, пошла с Иваном Сильвестровичем из театра в домашних тапках на босу ногу.

Удивлению женщины не было предела: директор дал согласие, более того, главный режиссёр сам взялся за постановку трагедии, отложив работу над пьесой “Приключения Швейка в гареме”. Это пахло сенсацией ещё до поднятия занавеса. Но они по-прежнему ненавидели друг друга, не здоровались даже.

Навалились на спектакль всем миром, чтобы обязательно выпустить премьеру в конце сезона. У Ивана Сильвестровича было намерение пригласить на своего “Короля” представителя европейского театра. Было своё намерение и у главного, но он его тщательно скрывал от всех.

Примирения не произошло: Иван Сильвестрович готовил свою роль почти самостоятельно. Главный работал с остальными, и больше всего — с исполнительницей роли Корделии, своей женой.

— Я — актёр школы Станиславского, — говорил Грива. — Авангард, сюрреализм, поп-арт, ползучий театр (Грива никогда не катался по сцене) оставьте другим, а Лира будем ставить возвышенно, традиционно-реалистично, — предупредил он всех, в том числе и режиссёра.

На что Марат, не пряча своей лисьей усмешки в коротко подстриженные усы, ответил:

— Не отступишь от текста ни на йоту, обещаю.

“Нахальная лиса. Он считает, что если мне за семьдесят, так я не способен выучить на память весь текст, — негодовал Иван Сильвестрович. — Да я в пивной лет десять все монологи читаю”.

Репетиции шли и утром, и вечером. Все работали согласованно, с удвоенной энергией; а когда узнали, что едет всё же на премьеру представитель

Европы — какой-то господин Дечарка, — так готовы были ночевать в театре.

Но тут наблюдательная и осторожная Ирина Анатольевна, которая не верила в добрые намерения главного, сделала открытие и ахнула:

— Ваня, ты читал финал трагедии?

— Ирэн, это что, такая шутка?

— А ты почитай, Ваня, — она открыла книгу, — вот... Лир выносит на руках тело мёртвой Корделии и ещё говорит монолог. С телом на руках!!!

— Ну, и что? А что ж ему — петь?

— Наивный! Разве ж тебе по силам удержать женщину весом в семьдесят кило? Одумайся. Сегодня же попроси, чтобы заменили актрису кило на пятьдесят. Я знаю, что и А не доедает, и Б похудела. Или проси, чтобы изменили мизансцену.

— Я? Милочка, ты меня не за того принимаешь? Пусть он лучше задушится, чем Грива будет просить, — завёлся Иван Сильвестрович.

— Вот его коварное намерение! Я раскусила! Ты наживёшь грыжу или бухнешься с инфарктом...

— Типун тебе на язык, — слегка притих народный.

— Попробуй. Возьми меня на руки и донеси... до постели.

— Ирэн, не шути...

— Тогда... хоть до дверей.

— Давай!

Иван Сильвестрович легонько так подхватил бывшую любовницу, сделал несколько шагов и остановился.

— Ну, что?.. Что? А я всего 65 килограммов! Из трагедии и выйдет трагедия. Смех сквозь слёзы... Он Яго, коварный Яго!

Иван Сильвестрович побледнел весь, сел и всё никак не мог отдышаться. Давно он не носил женщин на руках. Отвык.

— Ничего. Меня голыми руками не возьмёшь! Буду тренироваться. Подкачаю мышцы.

— Если бы какой хитрый домкрат придумать или что? И почему ты отказался от авангарда. Так бы вывезли Корделию на электрокаре, — рассуждала упавшая духом Ирина Анатольевна.

Утром Иван Сильвестрович, как обезумевший, ринулся увеличивать свои силы. Бегал, спал, качал в спортивном зале мышцы исхудавших рук и ног, потратил на мясо последние 200 долларов, которые приберегал на самый, самый, самый чёрный день. Таскал на руках Ирэн по квартире каждый день.

— Не всё решают мышцы. Возьму на премьере силой духа, — утешал он и её, и себя.

В день последней генеральной репетиции все ахнули. Строители привезли новую деталь декорации — лестницу и подиум, на который, по задумке режиссёра, король Лир должен вознести Корделию, и оттуда, из-под небес, бросать в зал филиппики, вскрывающие “язвы и пороки гнусного общества”. Такой вот апофеоз всего спектакля. Это была жестокая, ювелирная месть трагику. Иван Сильвестрович посчитал ступеньки: их оказалось ровно тридцать.

Хитрый режиссёр во время генерального прогона деликатно предупредил:

— На самую верхотуру не нужно нести. Покажем всё на премьере, а пока что донесите на одну треть лестницы.

Грива ничего не ответил и попробовал дотянуть мощную Корделию на эти десять ступенек.

“Прелюбодейка. Видно, чёрную икру месяц ела”, — подумал он, тяжело дыша, но отступать было не с руки: все билеты были давно проданы. Город жил в нетерпеливом ожидании премьеры.

Ходили слухи, что приезжает кто-то из НАТО, из Испании, чтобы оценить: достойны ли мы этой организации. Столичные телевизионщики брали интервью на улицах. Все хвалили и гордились народным, верили в успех. Ирина Анатольевна одолжила у знакомой акушерки бандаж своему кумиру, дабы тот не надорвался. И вот, наконец, настал день премьеры! Час пик! Иван Сильвестрович, проникшись талантом и величием Шекспира, забыл про свою нелюбовь к жене главного и к нему самому; играл с такой силой

таланта, как никогда в жизни. Вот и последняя сцена. И тут собака-режиссер выдал сюрприз: придумал смертельную находку для своего обидчика — одел Корделию в кольчугу. Говорил, что всё по тексту: она из Франции на войну приехала.

“Боже, это же лишних двадцать килограммов, — только и успел прикинуть Иван Сильвестрович. — Если жив останусь, придушу гада”.

Совсем рядом, за кулисами, стоял главный и издевательски улыбался.

Зал притих. Казалось, было слышно, как барабанит с каждым новым шагом сердце Лира. Где-то на пятнадцатой ступеньке Иван Сильвестрович почувствовал, что не дотянет до подиума. Ноги ещё держали его с тяжёлой ношей, а руки затекли. Схватило поясницу — проклятый радикулит.

Он на какую-то секунду остановился, и все сразу почувствовали, как деду тяжело нести Корделию. И тут произошла метаморфоза: кто-то из зала, большой поклонник таланта Гривы, зычно крикнул:

— Держись, Иван Сильвестрович! Не сдавайся!

Этот крик послужил сигналом для зрителей, которые охотно, в знак солидарности, стали аплодировать и скандировать:

— Иван Силь-вес-тро-вич! Иван! Силь-вес-тро-вич! Да-вай! Да-вай!

Ревели, как на хоккейном матче.

И он, окрылённый бурной овацией, понёс “металлолом” на верхотуру. Двадцать восемь, д-в-в-вадцать дев-вять... Тридцать! Все закричали: “Ура”!

Эдгару не дали договорить последние слова. Иван Сильвестрович положил Корделию на подиум и упал рядом с ней сам. Корделия тихо спросила:

— Может, вам вызвать “скорую”?

— После, деточка, после. Пусть дадут занавес.

Всех артистов и ошеломлённого Марата раз пять вызывали *на бис*, а Иван Сильвестрович всё лежал на подиуме. Наконец, он встал во весь рост, поднял слабую руку — и снова овации.

Ирина Анатольевна плакала навзрыд.

— Bravo! Bravo, Лир! Bravo!!!

И это мощное “браво”, казалось, вот-вот разорвёт стены. Это был его звёздный час: и победа над режиссёром, и триумф, и лебединая песня народного артиста.

Увлечённый зрелищем заграничный гость, который прилип к молодым артистам на банкете и всё как бы нечаянно трогал их то за талию, то за плечи, то за колени, объявил, что приглашает труппу в Англию на фестиваль.

Все так и ахнули. Но судьба распорядилась иначе. К большому сожалению, стресс от огромных переживаний, а может, и прожитые годы или чрезмерная радость загнали великого артиста Гриву: не выдержало его впечатлительное сердце. Похоронили Ивана Сильвестровича в костюме Лира, со всеми почестями, как хоронили ещё совсем недавно партийную элиту города. Марата Ворошилова после этой знаменитой премьеры затребовали в столицу и предложили возглавить солидный столичный театр. Вдохновлённый этой неожиданной приятной новостью, режиссёр так мчался к жене на своем стареньком “Москвиче”, что не совладал с управлением и попал в аварию. Жив остался, но получил увечье и пожизненную пенсию. Пухленькая жена посадила его, бедолагу, в инвалидную коляску и увезла к себе на родину, говорили, в Барнаул.

Ещё через год всё внезапно начало вдруг разрушаться. Половину театра откупили фирмачи, создали там манеж и наладили торговлю разными товарами. Труппа разбежалась. Осталось человек двенадцать из тех, кому некогда было деться. Кто-то стал удачно торговать бензопилами, мазутом, памперсами. Ходили упорные слухи, что театр расформируют на добрые пятьдесят лет. Бывшие театралы, безработные, просто бездельники, бомжи, собираясь возле пивной, нет-нет да и вспоминали своего народного артиста Гриву и его Короля Лира.

— О, как играл наш Иван Сильвестрович! Чудо! Легенда!

— И не говори. Был народный артист СССР — и был театр, а теперь одни шины в городе и остались.

— А помнишь, как тащил на верхотуру бабу в кольчуге? Концерт, ей-Богу, цирк! Дед был что надо.

Ещё через год общественность потеряла театр. Времена наступили дикие, первобытные, когда люди стали убивать друг друга за бутылку водки, курицу. В квартирах, как в казематах, появились металлические двери, на окнах — решётки. И всё же многие тосковали по театру. Но было поздно: каждый уже был занят только самим собой, готовясь к худшему.

Было ли так или не было, а может, всё это только приснилось старенькой и слабой Ирине Анатольевне, которую на свой манер Иван Сильвестрович прозвал нежно и артистично — Ирэн.

В это же самое время от Земли убежала комета Хейла-Боппа. Говорят, она должна возвратиться обратно через две тысячи лет. Жаль... так долго ждать...

* * *

Расскажу о водителе троллейбуса, к которому собирался приехать в гости престарелый отец из Челябинска, да так и не приехал.

Высокий, худощавый Вася — у него открытое лицо и приятная бесхитростная улыбка — живёт с женой, сыном и дочерью в маленькой двухкомнатной квартирке-хрущовке и всё ещё надеется получить от государства трехкомнатную, недаром же стоит в очереди целых семнадцать лет! Вася ещё живёт с верой, что кто-то где-то о нём и его семье позаботится. Он не делит людей на богатых и бедных, на элиту и скот. С детства он умеет держать слово, добросовестно трудится, согласовывает свои поступки с совестью и Божьими заповедями. В разные времена о таких людях говорили: царегугодник, законопослушник, верный ленинец, настоящий коммунист! Правда, Вася никогда не был членом партии. Он был несколько добрее остальных, несколько дисциплинированней и несколько больше других, особенно в последнее время, верил, что правда победит и что добрый человек будет в милости у Бога.

Он, когда служил в армии и влюбился в свою будущую жену Тонию, в саволюку убежал, может, раз или два, и то перед дембелем. Тоня не хотела выходить за него, но обстоятельства вынудили.

Она, егоза-смуглянка, была прописана у тётки в частном домике. Дом сносили, и всем давали квартиры. Тогда-то и расписалась она с Васей и не пожалела. Его чуткость, незлобивость, природная интеллигентность нравились ей. Она на нём могла, как говорят, не то что воду, а атомный реактор возить. Он всё успевал делать в доме, в сберегательной кассе платил за квартиру, посещал родительские собрания, ремонтировал радиоприёмники, телефон, утюг, холодильник и даже телевизор. Он самозабвенно любил футбол. Друзей у него не было — ведь все одноклассники остались в Челябинске. И поэтому он имел добрых знакомых, тоже футбольных болельщиков. Иногда с ними и выпивал. Тогда выходил в майке на балкон, много курил и обсуждал с соседом-отставником все футбольные новости Европы. И вообще — больше интересовался жизнью других стран.

Была у него одна тайная мечта — поехать болельщиком на чемпионат мира по футболу. Вася и в сорок пять ещё не устал мечтать, лелеял свою мечту по-детски наивно и непосредственно. Тем временем правда пробудила стыд, стыд разбудил смелость, смелость возвысила достоинство. Было такое чувство, что все жалуются друг другу и друг на друга. Установилось время торжества недоверия, унижения и ненависти.

Многие не захотели жить вместе на корабле; каждый начал искать для себя средства спасения. Люди стали удирать с общего лайнера в разные стороны. Отец Васи, напуганный хаосом и всеобщим отчаянием, просил сына возвратиться в Челябинск, ссылаясь на то, что множество людей из стран Прибалтики вернулось на Урал.

Но Вася успокоил отца, пригласив его к себе в гости, чтобы он собственными глазами убедился в сдержанности и доброжелательности белорусов. Отец не приезжал... год... два... три.

Он перенёс обширный инфаркт и после лечения как-то потерял интерес к гласности, забастовкам, инфляции, тайнам КГБ и партийного золота, при-

ватизации, капитализации. Он понял, что жить ему осталось совсем немного. Твёрдо решил навестить единственного сына, поцеловать внуков, благословить их на счастье и вернуться в Челябинск помирать. Больше у него не осталось никого на свете.

Вася собирался на работу так. Будильник ставил в ванной, чтобы его резкий звук не будил Тоню и детей. Умывался, пока варилось яйцо. Ел, пил крепкий кофе, выкуривал сигарету, проветривал кухню и одевался в тёмной прихожей, чтобы свет не падал на пол в спальне, не резал глаза жене. Тихо заперев дверь, выходил из квартиры, укутывая шею шарфом. Шёл мимо школы, переходил мостик через канаву, шагал по пустынному скверу минут семь и выходил в конец широкой улицы, где их, работников трамвайно-троллейбусного депо, ждал дежурный автобус. Вставал он с постели в четыре часа двадцать минут, а без пяти шесть уже выезжал на линию. И ничто не могло нарушить режим его работы на протяжении последних двадцати пяти лет. Его не интересовало, сколько денег получает премьер-министр и кто сейчас председатель профкома. Его больше интересовала погода и состояние тормозов. За праведность Бог миловал Васю: не было у него на сороковом маршруте ни одной более или менее серьёзной аварии. Особенно он любил ходить на работу в зимнюю гоголевскую ночь.

Вокруг безмолвие, на небе, как белый кожан капюшон, — луна, на земле — скрипучий снежок. Легко было в такие минуты единения с природой изгонять из души пессимизм и неуверенность, которые всё больше и больше обволакивали души его знакомых. Вася, как белая ворона, не верил, что обществом стали управлять насилие, мгла и воровство.

Временно безработный двадцатитрёхлетний Алик и его семнадцатилетние друзья Майкл и Шкет были приглашены в гости к “бригадиру” Матросу. Скользкий и всегда небритый Алик привёл своих более хлипких друзей в дни неудач и долгов к знаменитому рэкетиру.

Майкл со Шкетом накануне закупили сигарет, напихали полный багажник и погнали на стареньком “Запорожце” в Брянск. Прикинули, что хотя и не круто, но вернуться с наваром — отдадут долг и себе останется.

Однако в Брянске насобирались конкурентов, как менял возле валютного киоска. Толкнули свои “ЛМ” за бесценнок и вернулись домой мрачные и злые с пятью долларами в кармане. Слава Матроса действовала на них, как наркотик. Двухметровый верзила выбивал из неплательщиков долги и всегда был при деньгах.

Алик водил Майкла и Шкета целых два месяца на курсы какой-то борьбы, самой жёсткой и кастовой, о которой даже в монастырях Тибета не знали. Окрылённые тем, что Матрос позвал их на деловую встречу, растроганные парни не знали, как угодить своему спасителю. Шкет уговорил взять в компанию одноклассницу, немного экзальтированную и алчную Щучку, обрадовавшуюся приглашению, как обезьяна бананам.

Щучка немного стеснялась своих тонких ног, однако имела и существенную приманку — большую грудь, казалось, росшую прямо от шеи. Щучка нравилась Майклу, и он ездил с ней во все модные дискотеки, тайно от родителей увеличивая свои долги.

В трехкомнатной квартире Матроса собралось довольно много людей разного возраста. Пили дорогой импорт. Играли в карты на деньги. Лихой Алик сразу просадил сотню долларов и прекратил игру, нервно грызя ногти. Где-то около полуночи уже никто ни на кого не обращал внимания. Матрос взял за руку Щучку, привёл в спальню, позвал Майкла и Шкета и приказал, чтобы стояли у дверей, пока он поиграет с подарком (имелась в виду Щучка).

— Надо, чтобы двери всегда были открыты, — поучал он их, — надо контролировать всё пространство вокруг. Таков закон рэкетира.

Майкл и Шкет, преисполненные чувством преданности, стали на вахту. Щучка аж визжала от восторга, не стыдясь одноклассников.

“Ай, ох... классно. Какой мужчина! Ах!”

Майкл и Шкет стояли, как вкопанные, и смотрели на эти ожившие сцены из порнофильма, не зная, как себя вести. У Майкла только нервно дрожала нижняя губа. Щучка решила остаться у Матроса до утра.

Возвращались домой молча. Их трясла обида и злоба. Матрос твёрдо не сказал, что берёт их к себе в бригаду, обещал подумать. Если бы не встретился им на свою беду Вася, они, без сомнения, подрались бы друг с другом.

Водитель троллейбуса даже уступил им дорогу — сошёл с тропинки в снег. Алик даже не искал видимой причины, чтобы прицепиться к Васе. Сразу, как только поравнялись, сильно ударил в лицо. Было ещё темновато.

Град свинцово-сильных ударов посыпался на его голову. Васю сбили с ног и продолжали без передышки дубасить по чём попало. Добивали ногами с какой-то лютой, нечеловеческой ненавистью. Алик бил за то, что проиграл сто долларов; Майкл сгонял злость, что Матрос, а не он забавлялся со Щучкой; Шкет (и он осмелел!) добивал наполовину живое тело, бил ногами в живот за то, что дрянная Щучка не обращает на него внимания, за то, что Алик владеет приёмами лучше него, за то, что у Майкла было сто долларов...

Сняли с Васи куртку, свитер, часы (армейский подарок), старую пыжиковую шапку, отобрали кошелек с деньгами (денег было всего на три буханки хлеба, на бутылку кефира и пачку сигарет).

Вася потерял сознание и так без движения пролежал в снегу больше часа. Кроме сотрясения мозга и воспаления лёгких, у него было сломано ребро, выбиты два зуба, обнаружился разрыв мочевого пузыря. Вася, конечно, не успел их разглядеть. Следствие прекратили за недостатком улик.

В больнице Вася лежал очень долго. Истошал, осунулся. Лицо стало жёлтым, донимала головная боль. Отца обманывали, придумывая в письмах причину, чтобы он не приезжал пока, да и вообще не советовали ехать в Минск. Так несчастный отец и не успел попрощаться с единственным сыном — умер. Тоня одолжила у трёх соседок денег, съездила на похороны и в тот же день вылетела самолётом назад, к Васе. Боже праведный, сколько же раз Вася ждал Алика, Майкла и Шкета, бегущих с рюкзаками к его троллейбусу, показывающих, чтобы он не закрывал двери! Парни были Васиными соседями, жили в доме напротив и часто ездили сороковым троллейбусом. Если бы они знали, кого превратили в инвалида! Но это, видимо, для них большого значения не имело. Они жили в страшной зависимости от всех и вся и не знали, как сопротивляться этому. Вот и всё.

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас...